

Текст 17. Б. Л. Васильев «Не стреляйте в белых лебедей»

Когда вхожу в лес, я слышу Егорову жизнь. В хлопотливом лепете осинников, в сосновых вздохах, в тяжёлом взмахе еловых лап. И я ищу Егора. Я нахожу его в июньском краснолесье — неумолимого и неумывающего. Я встречаю его в осенней мокряди — серьёзного и взъерошенного. Я жду его в морозной тишине — задумчивого и светлого. Я вижу его в весеннем цветении — терпеливого и нетерпеливого одновременно. И всегда поражаюсь, каким же он может быть разным — разным для людей и разным для себя. И разной была его жизнь — жизнь для себя и жизнь для людей. А может быть, все жизни разные? Разные для себя и разные для людей? Только всегда ли есть сумма в этих разностях?

Представляясь или являясь разными, всегда ли мы едины в своём существе?

Егор был единым, потому что всегда был самим собой. Он не умел и не пытался казаться иным — ни лучше, ни хуже. И поступал не по соображениям ума, не с дальним прицелом, не для одобрения свыше, а по совести, так, как велела совесть.

Вот не задалась у Егора Полушкина на новом месте привычная работа. Правда первых два месяца, когда топориком для Фёдора Ипатовича от солнышка до солнышка позванивал, всё вроде нормально шло. Фёдор Ипатович хоть и руководил им, однако взашей не подталкивал, свою выгоду соблюдая. Мастера торопить нельзя, мастер — сам себе голова: это всякий хозяин сообразит. И хоть и бегал вокруг, и кипятил кровь, а особо подгонять не решался. И Егор работал, как сердце велело: где поднажать, где передохнуть, а где и отойти, присесть на брёвнышко, на работу со стороны глянуть. Да не торопливо, не в задыхе — спокойно, вглядчиво, на три сигарки. За эту работу кормили его с семейством ежедень, штаны старые дали и домишко. В общем, Егор не сетовал, не обижался: по закону, по сговору всё было сделано. Полмесяца он в новом жилье устраивался, неделю радовался, а потом пошёл работу искать. Не за ради дома да удобства родственника — за ради хлебушка.

Плотник есть плотник: за ним всегда работа бежит — не он за работой. Тем более что весь посёлок труд Егоров видел, да и петух, его топором сработанный, с конька на весь белый свет кукарекал. Так что взяли Егора, можно сказать, с поясным поклоном в плотницкую бригаду местной строительной конторы. Взять-то взяли, а через полмесяца...

- Полушкин! Ты сколько дён стенку лизать будешь?
- Дык ведь это... Доска с доской не сходится.
- Тебе, что ль, тут жить? У нас план горит, премиальные...
- Дык ведь для людей же...
- Слазь с лесов! Давай на новый объект!
- Дык ведь щели.
- Слазь, тебе говорят!..

Слезал Егор. Слезал, шёл на новый объект, стыдась оглянуться на собственную работу. И с нового объекта тоже слезал под сочную ругань бригадира, и снова куда-то шёл, на какой-то самоновейший объект, снова делал что-то где-то, топором тюкал, и снова волокли его, не давая возможности сделать так, чтобы не маялась совесть. А через месяц вдруг швырнул Егор казённые рукавицы, взял личный топор и притопапал домой за пять часов до конца работы.

— Не могу я там, Тинушка, ты уж не серчай. Не дело у них — понарошка какая-то.

— Ах горе ты моё, бедоносец юродивый!..

— Да уж что уж. Стало быть, так, раз оно не этак.

Откочевал он в другую бригаду, потом в другую контору, потом ещё куда-то.

Мыкался, маялся, ругань терпел, но этой поскаковской работы терпеть никак не мог научиться. И мотало его по объектам да бригадам, пока не перебрал он их все, что были в посёлке. А как перебрал, так и отступился: в разнорабочие пошёл. Это, стало быть, куда пошлют да что велят.

И здесь, однако, не всё у него гладко сходилось. Но в мае — только земля вздохнула — определили его траншею копать. Прораб лично по верёвке трассу ему отбил, колышков натыкал, чтоб линия была, по лопате глубину отметил:

— Вот до сих, Полушкин. И чтоб по ниточке.

— Ну, понимаем.

— Грунт в одну сторону кидай, не разбрасывай.

— Ну, дык...

— Нормы не задаю: мужик ты совестливый. Но чтоб...

— Нет тут вашего беспокойства.

— Ну, добро, Полушкин. Приступай.

Поплевал Егор на руки, приступил. Землица сочная была, пахучая, лопату прижимала легко и к полотну не липла. И тянуло от неё таким родным, таким ласковым, таким добрым теплом, что Егору стало вдруг радостно и на душе уютно. И копал он с таким старанием, усердием да удовольствием, с каким работал когда-то в родимой деревеньке. А тут майское солнышко, воробьи озоруют, синь небесная да воздух звонкий! И потому Егор, про перекуры забыв, и дно выравнивал, и стеночки обрезал, и траншея за ним еле поспевала.

— Молоток ты, Полушкин! — бодро сказал прораб, заглянувший через три часа ради успокоения. — Не роешь, а пишешь, понимаешь!

Борис Львович Васильев — русский советский писатель и сценарист.

